

Три фотографии.

На первой Сяо Люй сидел за обеденным столом, обеими лапками прижимая к себе яичницу и с аппетитом её уплетая. В углу кадра виднелась чья-то рука. Нань Чжэн узнал и стол, и собственную кисть — ошибки быть не могло.

Второй снимок был сделан в рабочем кабинете: лягушонок застыл на столешнице, задрал голову. На этот раз в объектив попала лишь часть мужского пиджака.

На третьем — из зоны милых питомцев — Гуа-цзай выглядывал из маленькой переносной клетки. Вместо лица спутника камера запечатлела лишь несколько прядей волос.

Несмотря на отсутствие лиц, Нань Чжэн с первого взгляда понял: на всех кадрах рядом с лягушонком был он сам. Локации сменяли друг друга: столовая в особняке, офис корпорации, ветеринарная зона милых питомцев... Значит, «путешествие» для Сяо Люя — это и есть его пребывание в этом мире?

Нань Чжэн прищурился. Он пролистал старые снимки, которые Гуа-цзай приносил ещё до того, как обрёл человеческую искру. Раньше это были обычные карточки: либо он один, либо вместе с Сяо Яньшу. Эти три новых фото выглядели чужеродно, но теперь всё встало на свои места.

Он заглянул в раздел «Гостинцы» и не смог сдержать короткого смешка.

— И зачем ты всё это потащил с собой? — спросил он, глядя на лягушонка, пристроившегося у него на коленях.

В списке трофеев значились завтрак со стола, одна булочка и чей-то леденец на палочке — Бог весть когда он успел его стащить.

Гуа-цзай под взглядом «А-ма» смущённо опустил голову. Он неловко сплёл лапки и пролепетал:

— Гуа-гуа хотел пойти с А-ма, конечно, мне нужно было собрать припасы.

«Боялся проголодаться, значит», — пронеслось в голове у Нань Чжэна.

Он на мгновение задумался. Если эти дни Сяо Люй проводил как турист, то Нань Чжэн совсем не позаботился о его багаже.

— Сяо Гуа, ты можешь забирать вещи отсюда с собой? — решил уточнить он.

Малыш моргнул и с предельно серьёзным видом кивнул:

— Конечно!

Это упрощало дело.

Нань Чжэн подозревал, что время, которое Гуа-цзай может проводить в человеческом мире, напрямую связано с его игровым статусом «путешественника». Сама суть игры диктовала свои правила, но кто знает, какие сюрпризы она преподнесёт дальше? Мужчина почувствовал, как в нём просыпается азарт исследователя. Обычное приложение превратилось в нечто за гранью реальности, и этот оживший лягушонок стал центром его интереса.

Сам же Сяо Люй воспринимал происходящее куда проще. Для него не было разницы, стал ли он духом или просто пришёл в мир своего А-ма — всё казалось естественным продолжением пути.

— А-ма, это тебе.

Нань Чжэн замер, глядя на протянутый зелёный четырехлистный клевер. Во время недавней аварии он не получил ни царапины, но заметил, что четырехлистный клевер, который был при нём, рассыпался в прах. Тогда он не придавал этому значения, но теперь, когда Гуа-цзай стоял перед ним живой и настоящий, сомнений не осталось. Четырехлистный клевер был амулетом-оберегом, обладающим таинственной силой.

— Почему не оставишь себе? — Нань Чжэн знал, что в садике четырехлистные клеверы появляются редко. Бывало, проходило много времени, прежде чем проклёвывался хоть один. Перед путешествием Сяо Люй обычно очень дорожил ими.

Лягушонок расплылся в улыбке, продолжая высоко держать растение:

— Травка, которую А-ма собирал для Гуа-гуа, ещё цела. А эту я сорвал сам.

— Вот как, — Нань Чжэн приподнял бровь.

Видя, что малыш не отступит, он с улыбкой принял подарок. Осторожно придерживая Сяо Люя одной рукой, он поднялся с кровати. На письменном столе стоял пустой стеклянный флакон — туда он и опустил клевер.

— Пусть он хранит наши сны сегодня, — тихо сказал мужчина, погладив лягушонка по голове.

Гуа-цзай присел на ладони А-ма и послушно кивнул. Рядом с ним сны точно будут добрыми.

Тук...

Тук-тук...

Тук-тук-тук...

Нань Чжэн проснулся от настойчивого стука в дверь.

Он открыл глаза. Взгляд, поначалу затуманенный сном, мгновенно прояснился. Мужчина первым делом посмотрел на подушку: Сяо Люй сладко спал, укрывшись краем полотенца. Он мерно вздыхал, лапки были сложены на животе, а большие чёрные глаза плотно закрыты. Шум его совсем не беспокоил.

Нань Чжэн, раздражённый прерванным отдыхом, немного смягчился при виде этой картины. Откинув одеяло, он встал и направился к двери. Было ещё слишком рано. Дядя Фан знал его привычки и никогда бы не стал беспокоить его в такой час, да и характер стука был странным.

Щёлк.

Дверь открылась.

Но... за порогом никого не было.

С первого этажа доносились ароматы завтрака и приглушённый голос дворецкого — на кухне уже всю кипела жизнь. Значит, стучал не Фан.

Мужчина нахмурился. Он ещё раз окинул коридор суровым взглядом, но, не обнаружив ни души, медленно потянул ручку на себя.

Тук...

Глухой звук повторился снова, прямо у него под боком.

Нань Чжэн резко распахнул дверь, но коридор по-прежнему был пуст.

Он не мог ошибиться. Кто-то явно затеял глупую игру, но Нань Чжэн не верил, что в его доме кто-то осмелится на подобную дерзость. Без очков его взгляд казался ещё более острым и пугающим.

Он уже собирался выйти наружу, чтобы лично выудить шутника из тени, как вдруг его лицо изменилось. Нань Чжэн замер, опустил голову и... обнаружил у своих ног улитку.

Самую настоящую улитку.

Он был песочно-жёлтого цвета, с двумя длинными усиками и раковиной, по форме напоминающей маньтоу.

Пока Нань Чжэн пребывал в замешательстве, моллюск зашевелился. Усики на его голове вытянулись, стали длиннее, ещё длиннее, пока один из них не коснулся края тапочка мужчины.

"Здравствуй..."

Голос прозвучал прямо в сознании — спокойный, ровный, почти бесстрастный.

После истории с лягушонком Нань Чжэн адаптировался быстро. Он выдохнул, усмехнулся и медленно присел на корточки. Он смотрел с любопытством, смешанным с настороженностью.

Мэймэй выглядел до странности знакомым. Крошечный рот был забавно поджат, а всё «лицо» выражало такое невозмутимое безразличие, что он казался кем угодно, только не обычным садовым вредителем.

— Ты... — начал было Нань Чжэн.

"Меня зовут Мэймэй. Я пришёл навестить Сяо Люя".

Ну конечно!

Улитка Мэймэй — лучший друг Сяо Люя. Вечный гость, которого в игре полагалось угощать деликатесами, а он в ответ приносил ответные подарки.

Нань Чжэн сохранил невозмутимое выражение лица. Он указал рукой в сторону кровати:

— Сяо Гуа ещё спит. Хочешь подождать?

"Тогда Мэймэй подождёт, пока Сяо Люй проснётся".

С этими словами гость убрал усик с ноги мужчины и начал своё неспешное... очень неспешное... движение внутрь комнаты.

Когда улитка проползла сантиметра два (Нань Чжэн оценил это на глаз), он, кажется, о чём-то вспомнил. Тело замерло, голова повернулась назад, а усики снова начали вытягиваться. На этот раз они коснулись его лодыжки. Ощущение было прохладным и влажным.

Нань Чжэн, отличавшийся брезгливостью, невольно напрягся, представив слизистый след, который останется на полу. Его лицо на миг окаменело.

"Можно мне войти?"

—... Входи.

«Если оставить его в коридоре, кто-нибудь ещё раздавит... Сяо Гуа расстроится», — оправдал он себя.

"Спасибо..."

В ровном тоне улитки слышались едва заметные радостные нотки.

— Не за что.

<http://bllate.org/book/17499/1711074>